

Check for updates

Диалогика культуры

УДК 82.091

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2021-3-1-61-70>

Творчество П. Г. Вудхауза и западноевропейская литература XX века. Часть II

Ю. Ю. Поринец^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Поринец, Ю. Ю.
(2021) Творчество П. Г. Вудхауза
и западноевропейская литература
XX века. Часть II. *Журнал
интегративных исследований
культуры*, т. 3, № 1, с. 61–70.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2021-3-1-61-70>

Получена 7 июля 2020; прошла
рецензирование 26 октября 2020;
принята 26 октября 2020.

Права: © Автор (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Творчество крупнейшего английского юмориста прошлого века П. Г. Вудхауза оказало влияние на западноевропейскую литературу. Но это влияние не ограничивается текстами на английском языке. Аллюзии на его произведения присутствуют и во французской, и в немецкой литературе. В статье впервые исследуются отсылки к циклу Вудхауза о Дживсе и Вустере в романе Бориса Виана «Пена дней». Образ слуги главного героя, повара Николя — очевидная аллюзия на произведения цикла о Дживсе и Вустере. Его образ восходит одновременно к двум образам Вудхауза: повара Анатоля и слуги Дживса. Выявленные аллюзии на произведения английского писателя позволяют определенно утверждать, что при создании романа французский автор намеренно отсылает читателя к текстам Вудхауза. Используемые аллюзии работают по принципу контраста и усиливают в романе Виана образ гротескного, абсурдного мира.

В статье сопоставляются некоторые коллизии и образы романа Томаса Манна «Доктор Фаустус» и цикла Вудхауза о Дживсе и Вустере, делается предположение о том, что немецкий писатель, возможно, обыгрывает некоторые эпизоды из текстов английского юмориста. Образ Руди Швердтфегера, сцена его сватовства к Мари Годо по просьбе главного героя, «сватовства за другого» являются отсылками не только к шекспировским комедиям и сонетам, но и к эпизоду из жизни Фридриха Ницше, на что ссылается сам автор в эссе «История “Доктора Фаустуса”. Роман одного романа». Данный эпизод имеет несомненную схожесть с подобными сценами из произведений Вудхауза «Этот неподражаемый Дживс» и «Ваша взяла, Дживс». Некоторые мысли по поводу отношений с Инес, высказываемые Руди в романе Манна, напоминают размышления персонажей Вудхауза об их взаимоотношениях с женщинами. Рассмотрение аллюзий на произведения Вудхауза в романах Б. Виана и Т. Манна позволяет существенно расширить представление о влиянии английского юмориста на западноевропейскую литературу XX столетия.

Ключевые слова: роман, аллюзия, юмор, комическая традиция, абсурд.

The Wodehouse's work and West-European literature of the 20th century. Part II

Yu. Yu. Porinets✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation:

Porinets, Yu. Yu.
(2021) The Wodehouse's work
and West-European literature
of the 20th century. Part II.
*Journal of Integrative Cultural
Studies*, vol. 3, no. 1, pp. 61–70.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2021-3-1-61-70>

Received 7 July 2020;
reviewed 26 October 2020;
accepted 26 October 2020.

Copyright: © The Author (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC
License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The work of P. G. Wodehouse, the greatest English humorist of the 20th century, had an influence on the Western European literature. This influence does not limit itself to texts in English — allusions to Wodehouse's works are also found in the French and German literature. This article is the first to study references to Wodehouse's Wooster-Jeeves cycle in "Froth on the Daydream" by Boris Vian. The image of the main character's servant and cook Nicolas is an obvious allusion to the novels of the Wooster-Jeeves cycle and draws simultaneously on two characters of Wodehouse: the cook Anatol and the valet Jeeves. The discovered allusions to Wodehouse's novels allow a definite conclusion that Vian deliberately refers his readers to Wodehouse's texts. These allusions help Vian create contrast and strengthen the image of grotesque and absurd world.

The article also compares some collisions and characters of Thomas Mann's novel Doctor Faustus with those of Wodehouse's Wooster-Jeeves cycle. The author suggests that Mann probably interprets some episodes from Wodehouse's texts. The character of Rudi Schwerdtfeger and the scene of his marriage proposal to Marie Godeau on behalf of the main character (proposal on behalf of another) are references not only to Shakespeare's comedies and sonnets, but also to an episode from Friedrich Nietzsche's life. This episode undoubtedly resembles similar scenes from Wodehouse's texts. Some thoughts about relationships expressed by Rudi in Mann's novel are reminiscent of Wodehouse's characters' reflections about their relations with women.

The analysis of the allusions to Wodehouse's works in Vian's and Mann's novels contained in this article appreciably broadens the understanding of Wodehouse's influence on the Western European literature of the 20th century.

Keywords: novel, allusion, humor, comical tradition, absurdity.

Вудхауз и Борис Виан

Творчество Бориса Виана на первый взгляд совершенно несопоставимо с творчеством Вудхауза. Мрачный колорит его романов, черный юмор, сильное влияние экзистенциализма в его сартровском варианте — все это далеко не соответствует идиллическому миру английского юмориста. Но при ближайшем рассмотрении романа Виана «Пена дней» (1946) в нем обнаруживаются аллюзии на творчество Вудхауза. Сведений о том читал ли Виан Вудхауза, нет, но анализ романа «Пена дней» свидетельствует о несомненном знакомстве автора с творчеством английского писателя, по крайней мере с какими-то из произведений о Дживсе и Вустере. Тексты Вудхауза были в середине XX века довольно хорошо известны во Франции; прозрачные отсылки к его произведениям, вероятно, рассчитаны автором на узнавание читателями.

В романе «Пена дней» образ главного героя, Колена, вначале отчасти напоминает образ Берти Вустера. Колен, как и Вустер, романтически настроен, обладает «состоянием, достаточным для того, чтобы не работать на других и ни в чем себе не отказывать» (Виан 1998, 201), ведет праздный образ жизни, пьет алкогольные коктейли. Друг же его Шик, как и многие друзья Вустера, наоборот, нуждается в деньгах и вынужден работать. Шик похож на персонажей Вудхауза, «вечно клянчащих друг у друга по пять фунтов» (Во 2012). В романе Виана есть сцена, где этот герой занимает у Колена крупную сумму денег, чтобы жениться на Ализе, но тратит ее на покупку артефактов, связанных с Партром. Подобно Шик у герои Вудхауза (например, Бинго Литтл) тратят полученные в долг деньги на скачки и пари. Образ слуги-повара Николая из романа «Пена дней» отсылает нас сразу к двум персонажам цикла Вудхауза о Дживсе и Вустере: Дживсу и виртуозу-повару Анатолю. В этом

персонаже сочетаются черты Анатоля и Дживса. В «Пене дней» есть диалог, который прямо это подтверждает:

«Николя отправился на кухню.

— Этот парень неоценим, — сказал Колен.

— Да, — согласился Шик, — он прекрасно готовит» (Виан 1998, 229).

В произведениях английского писателя Анатоль — повар-француз, удивительный мастер своего дела, отличающийся интересом к женщинам. Все это характерно и для Николая. Он появляется с первых страниц романа. Главный герой, Колен, говорит о том, что «выменял его у тети, отдал ей моего старого и килограмм бельгийского кофе в придачу» (Виан 1998, 204). В цикле о Дживсе и Вустере, в рассказе «Clustering Round Young Bingo» («Горой за Бинго») (1925) рассказывается о том, как повара Анатоля удалось переманить на службу в доме тети Далии в результате сложной комбинации, придуманной Дживсом (Вудхауз 2000а). Впоследствии в романе «Фамильная честь Вустеров» (1938) судья Бассет пытается выменять его на серебряный сливочник с изображением коровы, а потом — предлагает выпустить Вустера из-под стражи в обмен на Анатоля. Упоминание тети, обмена, в результате которого повар оказался в доме, является в романе Виана прямой отсылкой к Вудхаузу. К тому же Николая, как и Анатоль, — большой любитель женщин, и данная его черта не раз подчеркивается в романе Виана.

Николя, как и Дживс — верный слуга, который до последнего не желает покидать своего хозяина, поддерживает его в трудную минуту. Дживс в произведениях Вудхауза постоянно выручает героя из сложных жизненных ситуаций, помогает ему и его друзьям во взаимоотношениях с девушками.

Николя в «Пене дней» также дает Колену важный совет, как привлечь внимание любимой:

«А месью я могу посоветовать, — продолжал он, обращаясь к Колену, — попытаться собрать посредством того лица, у которого месью виделся с особой, встреча с коей для месью столь желательна, хоть какие-то сведения о привычках и знакомствах этой особы» (Виан 1998, 228).

У Николая, как и у Дживса, есть племянница, которая собирается выйти замуж за друга героя («Поразительное происшествие со стариной Биффи», 1924) (Вудхауз 2000б).

Есть и еще более очевидная аллюзия на образ Дживса — сцена, в которой Николая готовит восстановительный коктейль, чтобы прийти в себя на следующий день после попойки.

«— А машину ты сможешь вести? — спросил Колен.

— Попробуем, — ответил Николая.

— Как вкусно! — воскликнула Хлоя. — Поешь с нами.

— Я предпочел бы что-нибудь бодрящее.

И на глазах Колена и Хлои Николая составил для себя чудовищную смесь из кварты белого вина, ложки уксуса, пяти яичных желтков, двух устриц и ста граммов рубленого мяса, залитого сливками и посыпанного щепоткой гипосульфита натрия. Всё это исчезло в его глотке со свистом пущенного на полную мощность циклотрона.

— Как пошло? — спросил Колен и рассмеялся, увидев гримасу Николая.

— Порядок! — через силу ответил Николая.

И в самом деле, синяки под глазами у него разом исчезли, словно их стерли смоченной в бензине ваткой, а лицо заметно посвежело. Он фыркнул, как конь, стиснул кулаки и зарычал. Хлоя с некоторой тревогой взглянула на него.

— У тебя схватило живот, Николая? — спросила она.

— Наоборот! — рявкнул он. — Всё как рукой сняло! Сейчас подам вам еще одно блюдо — и в путь» (Виан 1998, 353).

Данный эпизод явно напоминает описание напитка Дживса, «чудодейственный эликсир» (Вудхауз 1999а, 246), «эликсир жизни» (Вудхауз 1999б, 10), который упоминается во многих произведениях цикла Вудхауза.

«Не успел я и глазом моргнуть, как Дживс вернулся с живительным бальзамом. Кажется, я уже рассказывал о Дживсовых коктейлях для воскрешения из мертвых и об их влиянии на несчастного, чья жизнь в похмельное утро висит на волоске. Не берусь сказать, из чего состоит это чудотворное зелье. Некий спиртной напиток, говорит Дживс, в него добавляется сырой яичный желток и чуть-чуть кайенского перца, однако, сдаётся мне, все не так просто. Как бы то ни было, стоит проглотить этот напиток, и вы немедленно ощутите его чудотворное действие.

Возможно, в первую долю секунды вы ничего не почувствуете. Все ваше естество будто замрет, затаит дыхание. Потом внезап-

но раздаётся трубный глас, и вы понимаете, что настал Судный день со всеми вытекающими отсюда страстями.

В каждой косточке вашего тела вспыхивает пожар. Чрево наполняется расплавленной лавой. Шквальный ветер сотрясает окружающую среду, и нечто вроде парового молота колотит вас по затылку. В ушах оглушительно бьют колокола, глаза вылетают из орбит, лоб покрывается испариной.

Вы осознаете, что пора позвонить юристу и отдать ему последние распоряжения, и тут вдруг наступает просветление. Стихает ураганный ветер. Смолкает колокольный звон в ушах. Птички щебечут. Играют духовые оркестры. Над горизонтом вскакивает солнце. И воцаряется великий покой.

Осушив стакан, я почувствовал, как во мне распускается бутон новой жизни. Знаете, хотя Дживс частенько попадает пальцем в небо, когда речь идет, скажем, об одежде или о сердечных делах, но за словом в карман он не полезет. Однажды, например, здорово сказал об одном несчастном, который, ступив на прежнего себя, вознесся в высшие приделы. Точь-в-точь как я сейчас. Бертрам Вустер, который лежал, бессильно откинувшись на подушки, стал сейчас не только более здоровым и сильным, но и более совершенным.

— Благодарю вас, Дживс, — сказал я.

— Не за что, сэр.

— Ваше снадобье действует безотказно. Теперь я готов щелкать, как орешки, любые задачи, которые ставит перед нами жизнь» (Вудхауз 2002, 34–35).

Но в романе Виана образ Николая имеет иное значение, чем в цикле Вудхауза. Его образ, несмотря на схожесть с персонажами английского юмориста, несколько отличается от первоисточника. Достаточно отметить, что, в отличие от героев Вудхауза, Николай меняется в процессе романа. Изображая Дживса, Вудхауз подчеркивает несколько нарочитое следование субординации в отношениях с хозяином. Слуга всегда говорит правильным английским языком. В «Пене дней» Николай с определенного момента общается со своим хозяином на равных. Проявляется это и на уровне его речевой характеристики. В начале Николай говорит правильным литературным языком, как и Дживс у Вудхауза. Позже по просьбе Колена он начинает разговаривать с ним и с его гостями на равных, используя просторечия и грубые выражения. Ближе к концу романа вместо прежних кулинарных изысков он готовит «бульон из кубиков, заправ-

ленный макаронной мукой» (Виан 1998, 301), а когда Шик удивляется по поводу отсутствия кухонной аппаратуры, раздраженно восклицает: «У нас только газ да холодильник, как у всех. Несете черт-те что!» (Виан 1998, 301). Впоследствии, когда Колен окончательно разоряется, Николая переходит на службу к семейству Трюизмов. Чем дальше разворачивается сюжет, тем менее Николай похож на героев Вудхауза.

Дживс в романе Вудхауза является членом клуба дворецких и камердинеров «Подручный Ганимеда». В «Пене дней» Николая, объясняя необходимость своего отсутствия, говорит:

«Я возглавляю философский кружок домашней прислуги нашего квартала, где проводятся чтения на тему: “Сервизизм — это гуманизм”, и поэтому мне не пристало пропускать наши занятия.

— Могу ли я поинтересоваться, Николай, чему именно будет посвящено сегодняшнее занятие?

— Сегодня речь пойдет о завербованности. Будут установлены соответствия между понятием завербованности у Жан-Соля Партра, вербовкой наемников в колониальные войска и наймом прислуги в частные дома» (Виан 1998, 218).

Аллюзия на Вудхауза соединяется здесь с иронией по поводу всеобщего увлечения философией Ж.-П. Сартра, а название доклада является пародийным вариантом названия известной статьи Сартра «Экзистенциализм — это гуманизм», понятие «завербованности» — пародией на важный для французского философа термин «ангажированность». В «Пене дней» ироническое изображение своего рода культа Жан-Соля Партра, его популярности занимает значительное место. С увлечением Партром во многом связан трагический исход любовной коллизии Шик — Ализа. При этом, пародируя образ Сартра, его восприятие публикой, Виан создает картину мира, отчасти близкую мировоззрению французского экзистенциалиста. Человек в мире «Пены дней» ощущает свою беспричинную заброшенность в этом мире, в котором нет Бога, чудо выглядит не проявлением высшего мира, а насмешкой над человеком, цветы вянут на груди умирающей от нимфеи Хлои, а счастливый финал невозможен. В отличие от произведений Вудхауза, имеющих счастливые финалы и часто заканчивающихся свадьбой, любовь у Виана как солнце, которое вначале озаряет квартиру героя, а потом, со смертью героини, вовсе покидает ее. Мир, изображаемый в романе, — это мир

тотального отчуждения, он абсурден и ужасен, это гротескный, искривленный мир, что выражается в том числе и в образе сжимающейся по ходу развития действия в размерах комнаты главного героя. Таким образом, возникает контраст с гармоничным миром Вудхауза, аллюзии на который занимают в романе значительное место. Автор, вводя в свой текст аллюзии на жизнерадостный цикл о Дживсе и Вустере, как будто усиливает ощущение безысходности от изображаемой им картины. Можно сделать вывод о том, что комическое в романе Виана, с одной стороны, облегчает читателям восприятие изображаемого мира, с другой — одновременно усиливает ощущение его трагичности.

Вудхауз и Томас Манн

Влияние Вудхауза на творчество Томаса Манна нельзя утверждать однозначно, можно лишь высказать предположение, что цикл Вудхауза о Дживсе и Вустере оказал влияние на роман Манна «Доктор Фаустус» (1947). Нет сведений о том, читал немецкий писатель Вудхауза или нет. Но это вполне возможно: известность английского юмориста в 30–40-е годы была достаточно велика. Томас Манн мог читать или слышать о какой-то из коллизий Вудхауза. В 30-е годы в США вышли в свет две кинокартины по сюжету Дживса и Вустера «Спасибо, Дживс!» (1936) и «Шагай веселее, Дживс!» (1937). Манн испытывал сильный интерес к английской комической традиции. Уже в романе «Волшебная гора» (1924) он, по его собственным словам, разбавляет «английским юмором неторопливый стиль повествования» (Манн 1960а, 160).

«В годы работы над Иосифом в круг такого подкрепляющего чтения входили две книги: “Тристрам Шенди” Лоренса Стерна и “Фауст” Гете. (...) Удивительная изобретательность Стерна по части юмористических оборотов, его щедрая выдумка, безукоризненное владение техникой комического — вот что влекло меня к нему» (Манн 1960с, 186).

Отсылки к Стерну есть и в романе «Доктор Фаустус». Есть в тексте и прямая ссылка на «Тристрама Шенди» — в эпизоде, когда рассказчик Цейтблом объясняет некоторые особенности своей манеры повествования.

В «Докторе Фаустусе» можно найти две переключки с произведениями Вудхауза. Первая аллюзия на Вудхауза в романе Манна — это образ Руди Швердтфегера, а точнее, его отношение к женщинам. Это отсылка к циклу Вуд-

хауза о Дживсе и Вустере. Руди во многом напоминает героя английского юмориста. Швердтфегер — легкомысленный молодой человек, который любит светские вечеринки; как и герой Вудхауза, он часто пребывает в состоянии легкой влюбленности. Только в произведениях английского юмориста герой часто ухаживает за девушкой, делает предложение и получает отказ. Руди же просто ухаживает, не переходя определенных границ, рассказчик называет его «фанатиком волокитства» (Манн 1960b, 573). Берти Вустер по своему поведению и мыслям часто напоминает ребенка; герой же немецкого писателя, по словам рассказчика, «казался скорее мальчиком, чем мужчиной» (Манн 1960b, 385), был «мальчиком по своему душевному складу и даже по поведению» (Манн 1960b, 429). Любопытно заметить, что Руди в тексте сравнивается с мопсом, как и Гасси Финк-Ноттл из цикла о Дживсе и Вустере.

В отношениях с Инес Руди выступает в качестве пассивной стороны. Он пытается соответствовать тому, что предлагает его возлюбленная. При этом Руди не любит Инес и сам это понимает. Уступает ей он в силу своей природной мягкости и своеобразно понимаемого рыцарского долга по отношению к влюбленной в него женщине. Руди полагает, что если женщина убеждена в том, что мужчина в нее влюблен, он должен вести себя соответствующим образом.

«Не подлежит также никакому сомнению, что молодой человек не мог не повиноваться этому страдальчески и с духовным превосходством устремившемуся к нему чувству, — я чуть не сказал “не хватало еще”, чтобы он не повиновался; мне так и слышится голос Клариссы: “Гоп, дружище, ничего не поделаешь, извольте расшибиться в лепешку”. (...) известно, что припертый к стене Руди совершенно произвольно подчинился этой гордой команде и отвечал на нее: “Что от меня требуется?” — причем я отлично представляю себе, как страсть к флирту, поначалу невинное наслаждение все более напряженной и горящей кровью ситуацией постепенно вовлекли его в авантюру, от которой, если бы не эта склонность играть с огнем, он мог бы и уклониться» (Манн 1960b, 385).

Сам Руди так объясняет свою позицию в отношениях с Инес в разговоре с Адрианом:

«Как поступили бы вы, если бы женщина вцепилась в вас, как утопающая, и захотела во что бы то ни стало сделать вас своим любов-

ником? Оставили бы ее верхнюю одежду у нее в руках и дали бы стрекача? Нет, так уже не поступишь, тут опять-таки существуют рыцарские заповеди, от которых не увильнешь, если женщина вдобавок красива, хотя и какой-то фатальной, страдальческой красотой (...) Я никогда ее не любил, признаюсь честно; я питал к ней всегда братски-товарищеские чувства, и если я зашел с ней так далеко и эта дурацкая связь, за которую она цепляется, все еще тянется, то дело тут только в моем рыцарстве» (Манн 1960b, 453).

Этот момент является аллюзией на рассуждения Вустера о том, как мужчина должен себя вести, если девушка считает, что он в нее влюблен.

«Ну скажите, если девице вдруг втемяшилось, что вы сходите по ней с ума, и она является к вам с признанием, что дает своему жениху отставку и готова связать свою жизнь с вами, — так вот, спрашиваю я вас, разве есть у порядочного человека выбор?» (Вудхауз 1999b, 17–18).

«Я прекрасно понимал, что моя судьба висит на волоске. В том смысле, что дороги назад нет. Если барышня решила, что молодой человек предлагает ей руку и сердце и на этом основании считает его своей собственностью, может ли порядочный человек пуститься объяснять, что она попала пальцем в небо и что у него ничего подобного и в мыслях не было? Нет, он должен просто сказать: будь что будет» (Вудхауз 2002, 84).

«Раз эта чертова Бассет, исходя из ложного предположения, будто сердце Вустера издавна и безраздельно принадлежит ей и готово выйти на замену по первому свистку, надумала выпустить запасного игрока, значит я, согласно требованиям душевной тонкости и чести, обязан сделать шаг вперед и соответствовать. Другого выбора нет. Тут просто так не отмахнешься. Налицо все признаки того, что пришел мой конец, притом навеки» (Вудхауз 2002, 185).

Данные рассуждения героя в произведениях Вудхауза усиливают комический эффект. Нелепо подобные мысли героя выглядят и в «Докторе Фаустусе». Манн доводит ситуацию до гротеска. Руди говорит о «братски-товарищеских чувствах», которые он испытывает к своей любовнице, являющейся к тому же замужней женщиной, противопоставляет свою историю коллизии библейского Иосифа (именно Иосифу

был посвящен предыдущий роман Томаса Манна). Герой Манна, будучи комическим персонажем по своей природе, оказывается вовлечен в орбиту трагического персонажа — Адриана Леверкюна. В результате фарс, нелепица превращаются в трагедию — и Руди погибает. Используя элементы английской комической традиции, в данном случае комический характер, автор растворяет их в своем романе. И в отличие от «Волшебной горы» и цикла «Иосиф и его братья» элементы английской юмористической традиции не уравнивают трагическую сторону описываемых событий, а, будучи как будто побежденными, поглощенными, служат усилению трагического эффекта.

Вторая аллюзия на Вудхауза — это эпизод, когда Адриан отправляет Руди Швердтфегера свататься за него к Мари Годо. Приводит это сватовство для другого к тому, что Рудольф, не имевший изначально такого намерения, после отказа Мари выйти замуж за Адриана сам сватается к Мари и получает ее согласие. Данный эпизод романа затрагивается в отечественном литературоведении (Дирзен 1981; Павлова 1982; Адмони, Сильман 1960), но особо пристального внимания не привлекает. Различные вариации мотива «сватовства для другого» в литературе встречаются довольно часто: «Песнь о нибелунгах», «Тристан и Изольда», «Сирано де Бержерак» Э. Ростана. Сам Манн называет эту историю «цитатой». В своем эссе «Роман одного романа», комментируя этот эпизод, автор ссылается на историю из жизни Фридриха Ницше:

«В треугольнике Адриан — Мари Годо — Руди Швердтфегер тоже легко усмотреть цитату, воспроизводящую посредничество Ре, через которого Ницше сделал предложение Лу Андреас, и Гуго фон Зенгера, который передал его предложение фрейлейн Трампедах, будучи с нею почти что помолвлен» (Манн 1960d, 221).

«Если же судить с точки зрения самого Леверкюна, то это скорее уж реминисценция шекспировская — цитата из сонетов, с какими Адриан никогда не расстанется и “сюжет” каковых, то есть соотношение: поэт — возлюбленная — друг, а стало быть, мотив предательского сватовства, повторяется во многих драмах Шекспира. Они названы поименно в том месте, где говорится о книгах, лежащих на столе моего музыканта: это — “Как вам угодно”, “Много шуму из ничего” и “Два веронца”, и во время беседы с Цейтбломом, который, как и читатель, ни о чем не догадывается, Адриан, мрачно потешаясь, оперирует

прямыми цитатами из этих пьес. Слова “Ты мог бы оказать мне большую услугу” — это ссылка, ссылка на “Много шуму из ничего”, где Клавдио признается принцу в своей любви к Геро. Позднее Адриан произносит горькую фразу из “Двух веронцев”: “Ибо таковы нынешние друзья” — и почти дословно приводит стихи (...) Точно так же в сцене в Пфейферинге, одной из любимейших моих сцен, Адриан убеждает Руди выполнить свою роковую просьбу словами из “Как вам угодно” (...) И затем, притворно сетуя на свою глупость в разговоре с Цейтбломом, он прибегает к образу незадачливого мальчишки (опять “Много шуму из ничего”), “который нашел птичье гнездо и на радостях показал его товарищу, а тот возьми да укради чужое добро”. А Серенус, не сознавая, что продолжает цитату, отвечает: “Нельзя же считать, что доверчивость — это грех и позор. Грех и позор, конечно, на совести вора”. Цейтблomu еще повезло, что он не говорит дословно: “Трех на укравшем»” (Манн 1960d, 221–222).

Таким образом, согласно автору, Адриан сознательно моделирует эту ситуацию, ориентируясь на шекспировские пьесы и сонеты.

«То, что делает Адриан, “не неосторожно”, как у Шекспира, а намеренно. Этот мотив вмонтирован в “Фаустуса”: его, в силу особого своего отношения к “свату” Швердтфегеру, пускает в ход Адриан — сознательно, с каким-то даже угрюмым озорством, подражая не то мифу, не то шаблону, и с ужаснейшей целью. То, что он проделывает с Руди — это заранее обдуманное убийство в угоду чорту, и Цейтблом это знает...» (Манн 1960d, 222).

Шекспировская реминисценция, введенная героем, не исчерпывает возможных источников данной сцены. Очень важная оговорка Манна, что это дается «с точки зрения Леверкюна». Таким образом, автор подчеркивает, что это лишь точка зрения героя, имеющего свой интерес в данном деле. У Цейтблома эта ситуация вызывает некоторое недоумение, он видит в этом действия, приведшие Руди к гибели. Сам Адриан, впрочем, также потом обвиняет себя в смерти Швердтфегера, хотя непосредственного отношения к ней не имеет. Признание ограниченности точки зрения героя в данном эпизоде позволяет искать и другие источники данной сцены, кроме указанных в тексте Адрианом. Одними из них вполне могли быть произведения Вудхауза. В сборнике «Этот неподражаемый Дживс» (1923) есть эпизод, когда

Вустер, желая помочь своему безнадежно влюбленному другу Бинго Литтлу, объясняется за него в любви; в результате Гонория убеждена в том, что герой сам в нее влюблен, а о друге говорил из-за застенчивости. В конце эпизода она соглашается выйти за него замуж, о чем он фактически ее не просил. Но Вустер из своеобразно понимаемого чувства рыцарского долга не выводит ее из заблуждения, а готовится к свадьбе (Вудхауз 1999с). Аналогичная ситуация происходит и в романе «Ваша взяла, Дживс!». Герой пытается помочь своему незадачливому застенчивому другу, Гасси Финк-Ноттлу, объясниться в любви с Мадлен Бассет.

«Он говорил с безнадежным отчаянием, я не видел в нем ни намек на воодушевление и боевой дух. Признаться, я стал в тупик. Эту заливную рыбину расшевелить невозможно. Однако внезапно у меня мелькнула догадка. С присущей мне молниеносной быстротой я понял, что надо делать, чтобы у этого тюфяка развязался язык.

— С ней надо провести артподготовку, — сказал я.

— Что провести?

— Артподготовку. Или удобрить почву. Или протоптать тропинку. Необходима кропотливая подготовительная работа. Вот что я тебе предлагаю: сейчас я вернусь в дом и вытащу твою Бассет на прогулку. Начну толковать о разбитых сердцах, намекну, что одно из них находится неподалеку, прямо здесь, в доме. Не жалея сил, распишу ей все как можно красочней, тут не надо бояться преувеличений. Ты тем временем будешь сидеть в засаде, а примерно через четверть часа появишься на сцене и всю пустишься флиртовать. К этому времени чувства у барышни разыграют, и ты с легкостью доведешь дело. Это как вскочить в автобус на ходу» (Вудхауз 2002, 76).

Но в итоге получается тот же результат, что и в цикле «Этот неподражаемый Дживс».

«— Мистер Вустер, умоляю вас, не продолжайте!

Вообще-то я и не собирался.

— Я поняла.

До чего приятно было это слышать.

— Да, я поняла. Я не настолько глупа, чтобы притворяться, будто не понимаю, о чем вы говорите. Я еще в Каннах догадывалась, когда вы стояли и смотрели на меня, не говоря ни слова, но ваши глаза вас выдавали.

Если бы акула отхватила Бертраму ногу, он бы, наверное, не испытал такого шока, как сейчас. Я слишком увлекся, помогая Гасси, и мне в голову не пришло, что мои слова можно истолковать столь пагубным для меня образом. Пот, покрывавший мой лоб, превратился в Ниагарский водопад. (...) — Да, в Каннах я все время чувствовала, что вы собираетесь со мной поговорить. Девушки всегда это чувствуют. А потом вы последовали за мной сюда, и когда мы встретились, я снова поймала устремленный на меня немой, умоляющий взгляд. И вы стали так настойчиво приглашать меня погулять с вами. И вот теперь вы, робко заикаясь, произнесли слова признания. Да, я ждала этого признания» (Вудхауз 2002, 85).

Любопытно, что у Вудхауза Мадлен сама влюблена в Гасси, о чем рассказывает герою, думая, что это его огорчит; таким образом, действия Вустера, направленные на помощь другу, оказываются заведомо бессмысленными.

В романе «Доктор Фаустус» Руди, объясняясь в любви от имени Адриана, делает это таким образом, что девушка не может понять, от чьего лица он признается ей в любви, в итоге это приводит к исходу, казавшемуся поначалу в романе «кое-кому, — не мне конечно, — весьма забавным» (Манн 1960с, 573). Тетя и сама Мари думают, что сам Руди влюблен в нее. История же сватовства за Адриана кажется им своего рода интерлюдией, вступлением. Сам же Руди, не имевший намерения делать предложение, говоривший Адриану о симпатии к Мари, под влиянием ситуации, отчасти в подражание Леверкюну, отчасти в пику ему, отчасти потому что Мари и ее тетка ожидают от него этого, пишет Мари письмо, добивается второй встречи и становится ее женихом. «А весь наш круг знакомых обежала забавная весть: Руди попался в сети, и отныне концертмейстер Швердтфегер и Мари Годо — жених и невеста» (Манн 1960b, 577).

«Войдя в маленькую прихожую пансиона, он натолкнулся на тетю Изабо, осведомился, дома ли ее племянница, и попросил дозволения с глазу на глаз обменяться с нею несколькими словами в интересах третьего лица. Старушка предложила ему пройти в гостиную, причем ее лукавая улыбка свидетельствовала о полнейшем неверии в “интересы третьего”. Он вошел к Мари, которая встретила его удивленно, но приветливо, и вознамерилась тотчас же позвать тетюшку, отчего он, к ее

вящему, весело подчеркнутому удивлению, поспешил ее удержать. Тетушке известно о его приходе, и она, конечно, явится сюда после того, как он переговорит с нею, Мари, об одном очень серьезном и важном деле. Что же она ему ответила? Да уж наверно, “право же, меня разбирает любопытство” или что-нибудь в этом роде. Затем она попросила гостя сесть и стала ждать заинтересовавшего ее разговора (...) Он пододвинул кресло к ее чертежной доске и заговорил. Никто на свете не вправе сказать, что Рудольф отступил от слова, данного другу. Он его сдержал и честно выполнил поручение. Стал говорить об Адриане, о его значительности, его великом даре, который публика лишь медленно постигает, о своем восхищении им, о своей преданности этому необыкновенному человеку. Напомнил ей о Цюрихе, о вечере у Шлагингауфенов, о поездке в горы. Признался, что его друг любит ее. Но как это делается? Как признаются женщине в любви другого? Наклоняются ли к ней при этом? Берут ли просительно ее руку, которую хотят передать другому? Я не знаю. Мне довелось передать лишь просьбу принять участие в загородной поездке, а не предложение руки и сердца. Знаю, что она выдернула свою руку из его руки или же быстро сняла ее со своих колен, и еще знаю, что краска залила ее по-южному бледные щеки и что смех погас в глубине ее темных зрачков. Она не могла взять в толк, о чем он говорит, сомневалась в том, что поняла его. Спросила, надо ли понимать, что Рудольф просит ее руки для господина доктора Леверкюна. Да, гласил ответ, долг и дружба велят ему сделать это. Адриан, любя его, дал ему это поручение, и отказать ему он не решился. Ее явно холодный, явно насмешливый ответ, что это очень мило с его стороны, поверг его в еще большее замешательство» (Манн 1960b, 574).

Как и у Вудхауза, происходит недоразумение — намерения героя истолковываются неверно, и возникает комическая ситуация. Как и у Вудхауза герои, собирающиеся вступить в брак, не подходят друг другу. «Этот вертопрах годился в мужа не лучше, чем я в донжуаны», — как говорит Цейтблом. Мари поверила, что ей удастся его удержать, привязать его к себе, приручить, как Гонория у Вудхауза верит, что ей удастся развить Вустера до определенного уровня. Помолвки Вустера с Гонорией, а потом — с Мадлен в произведениях английского писателя разваливаются, у Манна свадьба Руди с Мари также не состоится. Но если у Вудхауза ситуация

заканчивается счастливо: Дживс своими умелыми действиями расстраивает нежелательные для Вустера свадьбы, и герой наслаждается своей свободой, то в романе немецкого писателя Руди погибает от выстрела своей бывшей любовницы. Схожая ситуация разрешается в соответствии с выбранной авторами тональностью романов: комической в первом случае и трагической — во втором.

Нельзя утверждать, что роман «Доктор Фаустус» испытал непосредственное влияние Вудхауза, но сделанные наблюдения позволяют говорить о нем как о возможном.

Рассмотрение влияния творчества Пелема Гренвилла Вудхауза на литературу середины XX века позволяет утверждать, что его произведения имели большое значение для литературного процесса XX столетия.

Источники

- Виан, Б. (1998) Пена дней. В кн.: Б. Виан. *Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1*. Харьков: Фолио, с. 197–356.
- Вудхауз, П. Г. (1999a) Брачный сезон. В кн.: П. Г. Вудхауз. *Собрание сочинений: в 18 т. Т. 1*. М.: Остожье, с. 243–462.
- Вудхауз, П. Г. (1999b) Семейная честь Вустеров. В кн.: П. Г. Вудхауз. *Собрание сочинений: в 18 т. Т. 1*. М.: Остожье, с. 9–242.
- Вудхауз, П. Г. (1999c) Этот неподражаемый Дживс. В кн.: П. Г. Вудхауз. *Собрание сочинений: в 18 т. Т. 5*. М.: Остожье, с. 319–512.
- Вудхауз, П. Г. (2000a) Горой за Бинго. В кн.: П. Г. Вудхауз. *Собрание сочинений: в 18 т. Т. 5*. М.: Остожье, с. 551–576.
- Вудхауз, П. Г. (2000b) Поразительное происшествие со стариной Биффи. В кн.: П. Г. Вудхауз. *Собрание сочинений: в 18 т. Т. 8*. М.: Остожье, с. 484–507.
- Вудхауз, П. Г. (2002) Ваша взяла, Дживс! В кн.: П. Г. Вудхауз. *Собрание сочинений: в 18 т. Т. 10*. М.: Остожье, с. 5–218.
- Манн, Т. (1960a) Введение к Волшебной горе. В кн.: Т. Манн. *Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: О себе и собственном творчестве. 1906–1954; Статьи. 1908–1929*. М.: Гослитиздат, с. 153–171.
- Манн, Т. (1960b) Доктор Фаустус. Жизнь немецкого композитора Андриана Леверкюна, рассказанная его другом. В кн.: Т. Манн. *Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5: Доктор Фаустус. Жизнь немецкого композитора Андриана Леверкюна, рассказанная его другом*. М.: Гослитиздат, с. 7–662.
- Манн, Т. (1960c) Иосиф и его братья. Доклад. В кн.: Т. Манн. *Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: О себе и собственном творчестве. 1906–1954; Статьи. 1908–1929*. М.: Гослитиздат, с. 172–191.
- Манн, Т. (1960d) История «Доктора Фаустуса». Роман одного романа. В кн.: Т. Манн. *Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: О себе и собственном творчестве. 1906–1954; Статьи. 1908–1929*. М.: Гослитиздат, с. 199–364.

Литература

- Адмони, В. Г., Сильман, Т. И. (1960) *Томас Манн: Очерк творчества*. Л.: Советский писатель, 355 с.
- Во, И. (2012) Вудхаузу: поздравление и покаяние. *Иностранная литература*, № 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2012/12/p-g-vudhauzu-pozdravlenie-i-pokayanie-vystuplenie-na-bi-bi-si.html> (дата обращения 30.12.2019).
- Дирзен, И. (1981) *Эпическое искусство Томаса Манна: Мировоззрение и жизнь*. М.: Прогресс, 302 с.
- Павлова, Н. С. (1982) Томас Манн. В кн.: Н. С. Павлова. *Типология немецкого романа. 1900–1945*. М.: Наука, с. 8–53.

Sources

- Mann, Th. (1960a) Einführung in den „Zauberberg“. In: Th. Mann. *Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 9: O sebe i sobstvennom tvorchestve [Gesammelte Werke: In 10 Bde. Bd 9: Autobiographisches. 1906–1954; Aufsätze. 1908–1929]*. Moscow: Goslitizdat Publ., pp. 153–171. (In Russian)
- Mann, Th. (1960b) Doktor Faustus. Das Leben des deutschen Tonsetzers Adrian Leverkühn, erzählt von einem Freunde. In: Th. Mann. *Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 5: Doktor Faustus. Zhizn' nemetskogo kompozitora Andriana Leverkyuna, rasskazannaya ego drugom [Gesammelte Werke: In 10 Bde. Bd 5. Doktor Faustus. Das Leben des deutschen Tonsetzers Adrian Leverkühn, erzählt von einem Freunde]*. Moscow: Goslitizdat Publ., pp. 7–662. (In Russian)
- Mann, Th. (1960c) Joseph und seine Brüder (Vortrag). In: Th. Mann. *Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 9: O sebe i sobstvennom tvorchestve [Gesammelte Werke: In 10 Bde. Bd 9: Autobiographisches. 1906–1954; Aufsätze. 1908–1929]*. Moscow: Goslitizdat Publ., pp. 172–191. (In Russian)

- Mann, Th. (1960d) Die Entstehung des Doktor Faustus. Roman eines Romans. In: Th. Mann. *Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 9: O sebe i sobstvennom tvorchestve [Gesammelte Werke: In 10 Bde. Bd 9: Autobiographisches. 1906–1954; Aufsätze. 1908–1929]*. Moscow: Goslitizdat Publ., pp. 199–364. (In Russian)
- Vian, B. (1998) L'Écume des jours. In: B. Vian. *Sobranie sochinenij [Collected works]: In 3 vols. Vol. 1*. Kharkiv: Folio Publ., pp. 197–356. (In Russian)
- Wodehouse, P. G. (1999a) The inimitable Jeeves. In: P. G. Wodehouse. *Sobranie sochinenij [Collected works]: In 18 vols. Vol. 5*. Moscow: Ostozh'e Publ., pp. 319–512. (In Russian)
- Wodehouse, P. G. (1999b) The mating season. In: P. G. Wodehouse. *Sobranie sochinenij [Collected works]: In 18 vols. Vol. 1*. Moscow: Ostozh'e Publ., pp. 243–462. (In Russian)
- Wodehouse, P. G. (1999c) The code of the Woosters. In: P. G. Wodehouse. *Sobranie sochinenij [Collected works]: In 18 vols. Vol. 1*. Moscow: Ostozh'e Publ., pp. 9–242. (In Russian)
- Wodehouse, P. G. (2000a) Clustering round young Bingo. In: P. G. Wodehouse. *Sobranie sochinenij [Collected works]: In 18 vols. Vol. 5*. Moscow: Ostozh'e Publ., pp. 551–576. (In Russian)
- Wodehouse, P. G. (2000b) The rummy affair of old Biffy. In: P. G. Wodehouse. *Sobranie sochinenij [Collected works]: In 18 vols. Vol. 8*. Moscow: Ostozh'e Publ., pp. 484–507. (In Russian)
- Wodehouse, P. G. (2002) Right ho, Jeeves. In: P. G. Wodehouse. *Sobranie sochinenij [Collected works]: In 18 vols. Vol. 10*. Moscow: Ostozh'e Publ., pp. 5–218. (In Russian)

References

- Admoni, V. G., Silman, T. I. (1960) *Tomas Mann: Oчерk tvorchestva [Tomas Mann: Sketch of creativity]*. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ, 355 p. (In Russian)
- Dirsen, I. (1981) *Thomas Mann. Episches Werk, Weltanschauung, Leben*. Moscow: Progress Publ., 302 p. (In Russian)
- Pavlova, N. S. (1982) Tomas Mann. In: N. S. Pavlova. *Tipologiya nemetskogo romana. 1900–1945 [Typology of the German novel. 1900–1945]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 8–53. (In Russian)
- Waugh, E. (2012) Vudkhauzu: pozdravlenie i pokayanie [An act of homage and reparation to P. G. Wodehouse]. *Inostrannaya literatura*, no. 12. [Online]. Available at: <https://magazines.gorky.media/inostran/2012/12/p-g-vudkhauzu-pozdravlenie-i-pokayanie-vystuplenie-na-bi-bi-si.html> (accessed 30.12.2019). (In Russian)

Сведения об авторе

Юрий Юрьевич Поринец, e-mail: porinets2015@yandex.ru

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Yuriy Yu. Porinets, e-mail: porinets2015@yandex.ru

Candidate of Sciences (Pedagogical), Associate Professor of the Department of Foreign Literature, Herzen State Pedagogical University of Russia